

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20

EDN: GOMUJD

Прежние и новые формы коммуникации власти и общества на пути к созданию нового общественного договора*

Р.И. Анисимов

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

(e-mail: ranisimov@list.ru)

Аннотация. В статье рассматривается концепция общественного договора как консенсуса между властью и народом. На основе трудов Т. Гоббса, Д. Локка, Ж-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, немецкой социальной мысли, в контексте размышлений о «легитимности» Р. Нозика, Дж. Ролза, М. Олсона, А. Аузана делается вывод, что общественный договор носит консенсусный характер и для выработки консенсуса необходима коммуникация власти и народа. Ставится вопрос об общественных организациях и политических партиях как традиционных проводниках интересов народа во взаимодействиях с государством. На основе социологических исследований делается вывод о низком доверии к политическим партиям и неучастию в деятельности общественных организаций российских граждан. Это свидетельствует о том, что общественные организации и политические партии слабо представляют интересы граждан во взаимодействии с властью. Причина такого положения — в изменении типа общества: российское общество становится более гибким и атомизированным, сильные связи заменяются на слабые. На примере семьи как наиболее традиционного института показаны процессы флексибилизации и атомизации. В этих условиях общественные организации и политические партии, созданные в предшествующий период, перестают быть адекватными посредниками во взаимодействии власти и народа. Вырабатываются новые ка-

* © Анисимов Р.И., 2025

Статья поступила в редакцию 06.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

налы коммуникации: интернет-сообщества и прямые обращения граждан к органам власти, минуя посредников в виде общественных организаций и политических партий. Российское общество активно взаимодействует с властью в этих формах, но слабо — в классических, что опровергает представление о народе как пассивном субъекте, распространении политического абсентеизма и неразвитости гражданского общества. Скорее это свидетельствует об утрате актуальности идеи об общественных организациях как выразителе общественных интересов и о необходимости выработки концепций, соответствующих новому типу общества.

Ключевые слова: общественный договор; общественные организации; политические партии; сильные связи; слабые связи; флексибельность; атомизация

Для цитирования: *Анисимов Р.И.* Прежние и новые формы коммуникации власти и общества на пути к созданию нового общественного договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20>

Сегодня российское общество подвергается серьезным испытаниям на прочность и устойчивость, и актуальными задачами становятся консолидация государства и общества, поддержка и согласие граждан с инициативами власти, их готовность к совместным действиям и помощи государству. От решения этих задач в конечном итоге зависит жизнеспособность государства, его суверенитет и выживание. В исследовательской перспективе эти задачи актуализируются в анализе основ «сцепления» общества и государства, в попытке ответить на вопрос «на чем основано государство?». Ответы на этот вопрос возвращают нас к не очень популярному в настоящий момент концепту общественного договора как системе идей о взаимодействии власти и народа.

Сама идея общественного договора возникла в XVII–XVIII веках в связи с возрастанием роли новых социальных классов, осознанием ими своих интересов и требованием более широкого участия в управлении государством. Теоретический фундамент концепции общественного договора заложили английские философы (Т. Гоббс, Дж. Локк) и философы-просветители (Ш. Монтескье, Ж-Ж Руссо, П. Гольбах) [5; 6; 9; 10; 17]. Практическим воплощением идей общественного договора стал новый постреволюционный строй в Англии, открывший дорогу свободному развитию капитализма, и Великая французская революция, проходившая под влиянием идей философов-просветителей и, как и в Англии, завершившаяся становлением нового общественного строя, обеспечивающего господство буржуазии. Дискуссии об общественном договоре возникли, когда государство не реагировало на новые экономические и социальные вызовы, не замечало назревающих противоречий, что привело к переформатированию государства и смене модели управления страной.

В XIX — начале XX века интерес к концепту общественного договора падает, и теоретические дискуссии о характере взаимоотношений общества и государства проходят в контексте понятия «легитимность», разрабо-

тываемого немецкой социальной мыслью. Легитимность — это «ощущение правомочности господства у господствующего и у того, над кем господствуют» [4. С. 404], а господство — «вероятность того, что некоторая группа людей повинуется некоему приказу. То есть это не любая возможность реализации власти или влияния. Господство (авторитет) в этом смысле выражается в подчинении... Каждому подлинному отношению господства свойственен определенный минимум желая подчиниться» [3. С. 252]. Немецкая мысль не использовала термин общественного договора по вполне понятным причинам; во-первых, он напрямую ассоциировался с французской революцией, что не могло не вызывать болезненной реакции монархического правительства, во-вторых, Германия после объединения, в отличие от Франции и Англии, начала проводить реформы «сверху». Немецкие мыслители, в отличие от французских просветителей, акцентируют внимание не на воле народа, его главенстве в правительстве и суверенитете, а на подчинении и исполнении воли правительства. Общей чертой двух концептов стало представление о необходимом согласовании идей и действий доминируемых и доминирующих слоев, отличительной чертой — определение ведущего звена этой согласованности: в идеях философов Просвещения им выступает народ, у немецких мыслителей — правительство.

В XX веке концепции общественного договора разрабатывались в русле обсуждения преимуществ социально-ориентированного государства с развитой системой социальных гарантий (например, «теории справедливости» Дж. Ролза [14]) или «либерального» государства с минимальным участием правительства в экономической и социальных сферах (например, идеи Р. Нозика [11]). Дж. Бьюкенен утверждал, что в условиях общественного выбора неэкономические силы имеют непосредственное влияние на государственную политику любой страны, вставшей на этот путь, поэтому общественный договор — это, по сути, конституция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам [21]. М. Олсон предложил идею государства как «стационарного бандита», который с течением времени начинает договариваться с населением по поводу перераспределения благ и обязательств [12]. А. Аузан отмечал, что общественный договор согласовывает интересы трех акторов общественной жизни — государства, бизнеса и гражданского общества, и каждый актор должен пожертвовать частью своих интересов, чтобы установился определенный консенсус [1].

Вышеперечисленные концепции отличаются мировоззренческими взглядами и политическими установками их авторов, однако все они признают, во-первых, консенсусный характер общественного договора, во-вторых, что для выработки консенсуса необходима коммуникация между властью и обществом. Соответственно, общественный договор — это «социальный контракт между народом и государством, который носит характер открытого и в значительной степени латентного соглашения по поводу существующего и бу-

дущего жизнеустройства его участников» [18. С. 12–13]. Если общественный договор понимается как контракт, то неизбежно возникает вопрос о субъектах этого контракта и каналах коммуникации между ними. Первый субъект общественного договора — государство, второй — общество, которое делегирует отстаивание своих интересов общественным организациям (НКО и/или политические партии). В статье не будет рассмотрена деятельность российского государства как субъекта общественного договора, отметим лишь, что в последние годы оно активно формирует его повестку — от повышения рождаемости до патриотического воспитания. Мы рассмотрим деятельность институтов и организаций гражданского общества по реализации своей основной функции — отстаиванию интересов и потребностей общества.

Общественные организации как субъект общественного договора

В классическом понимании важнейшим посредником во взаимодействии государства и общества выступают общественные организации: государство не может напрямую коммуницировать с народом — для этого необходимо представительство последнего посредством организаций, не преследующих экономических целей (НКО) и/или партий. Рассмотрим, насколько эффективно осуществляется данное взаимодействие.

Списочный состав общественных организаций в России составлял в 2022 году 80,3 тысячи человек [15. С. 268], т.е. примерно 0,07 % населения страны старше 19 лет. Конечно, в списочный состав общественных организаций входит постоянный аппарат и руководство, а количество нештатных членов этих движений значительно больше. Например, данные опроса, проведенного сотрудниками РГГУ (рисунок 1), показывают, что треть взрослого работающего населения России состоит в общественных организациях, но 58 % из них являются членами профсоюза (1). Аналогичные данные приводит Росстат по результатам выборочного опроса: 4,8 % опрошенных состоят в общественных организациях, из них 66 % — в профсоюзе [15. С. 269].

Членство в профсоюзной организации, во многом унаследованное от советских времен, некорректно относить к участию в общественной организации, так как это участие ограничивается уплатой взносов со стороны работника и льготными путевками, подарками — со стороны профсоюза. Постсоветские профсоюзы в большинстве своем представляют отдел по социальным вопросам, встроенный в административный аппарат, но с особыми формами укомплектования кадров (выборы) и отчетности (собрания). Работники состоят в профсоюзе в силу привычки или ожидая преференций в виде подарков, но не надеясь на его помощь в отстаивании своих интересов. Это подтверждают результаты опроса, проведенного сотрудниками РГГУ (рисунок 2), где на вопрос «Предположим, Вы оказались в затруднительном положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью?» ответ «в профсоюзную организацию» выбрало только 2,2 % (1).

Рис. 1. Членство в общественной организации (%)

Рис. 2. Обращение за помощью в трудной ситуации (в %)

Отражают ли профсоюзы интересы всего общества и являются ли субъектами общественного договора? Конечно, общественные организации могут выполнять свою функцию, не привлекая к своей деятельности людей, — население делегирует им право говорить от своего лица, не состоя в движении (организации). Но для акта делегирования необходимо доверять объектам делегирования. Доверие — основное условие политического порядка: «экономическая, юридическая или политическая система в качестве начального состояния требует доверия; без доверия она не в состоянии стимулировать действия вспомогательных систем в ситуациях неопределенности и риска» [23. С. 103]. Отсутствие доверия к общественной организации и/или ее лидеру свидетельствует о том, что данный социальный актор мало влияет на людей, чьи интересы представляет, и ставит под сомнение саму возможность эти интересы представлять: «доверие к руководителям формируется либо косвенно, либо напрямую как составной показатель признания, принятия или поддержки со стороны граждан» [20. С. 366].

Основные общественные организации, представляющие интересы граждан, — политические партии, но по результатам социологических исследований они, как и профсоюзы, показывают наименьший уровень доверия (2).

Таблица 1

Индекс доверия к общественным институтам (опрос РГУ, 2022)

Институты	Доверяю полностью (a = +1)	Доверяю, но не во всем (b = +0,5)	Не доверяю (c = -1)	Затруднились ответить (d = 0)	Индекс доверия (Q) [1]
Президенту	48,3	35,4	11,1	5,2	0,5
Правительству	27,1	45,5	21,5	5,9	0,3
Государственной Думе	18,8	40,3	33,3	7,6	0,1
Прессе (газетам)	6,9	43,9	41,6	7,6	-0,1
Телевидению	9,1	49,4	35,7	5,8	0
Профсоюзам	17,8	34,6	28,6	19	0,1
Политическим партиям	7,4	35,2	44,7	12,7	-0,2
Полиции	19,2	46,9	26,4	7,5	0,2
Вооруженным силам (армии)	52,9	32,6	7,7	6,8	0,6
Церкви	30,5	31,2	22	16,3	0,2
Судебным органам	14,6	47,9	27,4	10,1	0,1
Своему руководителю	36,6	47,3	9,3	6,8	0,5
Коллегам	37,5	51,2	5,8	5,5	0,6

Немногим лучше показатели доверия политическим партиям по данным ВЦИОМа, но они также находятся на самых низких позициях по сравнению с другими общественными институтами (рисунок 3) (3).

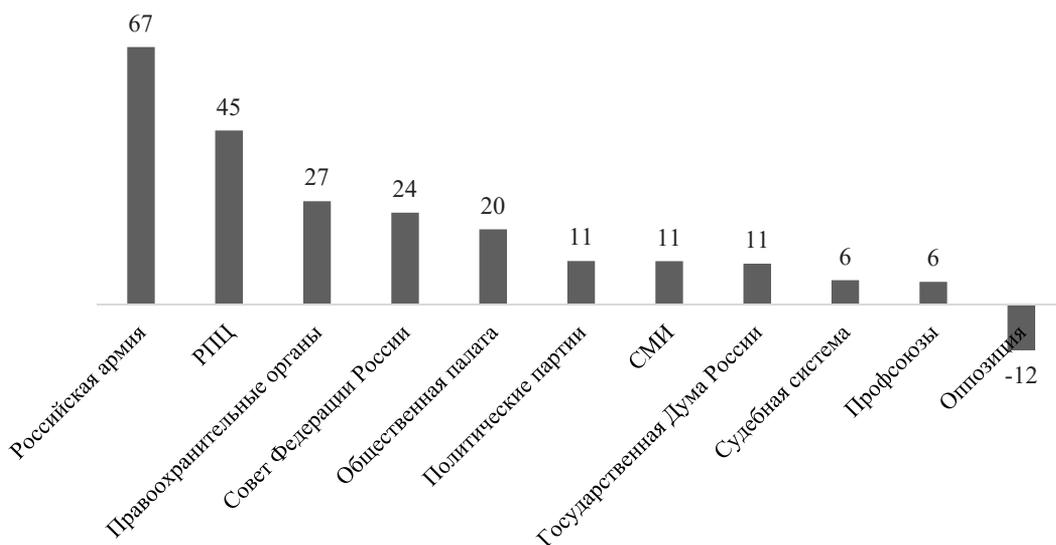

Рис. 3. Индекс одобрения общественных институтов (ВЦИОМ, июль 2024)

Особенно показательны индексы одобрения лидеров политических партий, у которых недоверие превалирует над доверием (рисунок 4) (4).

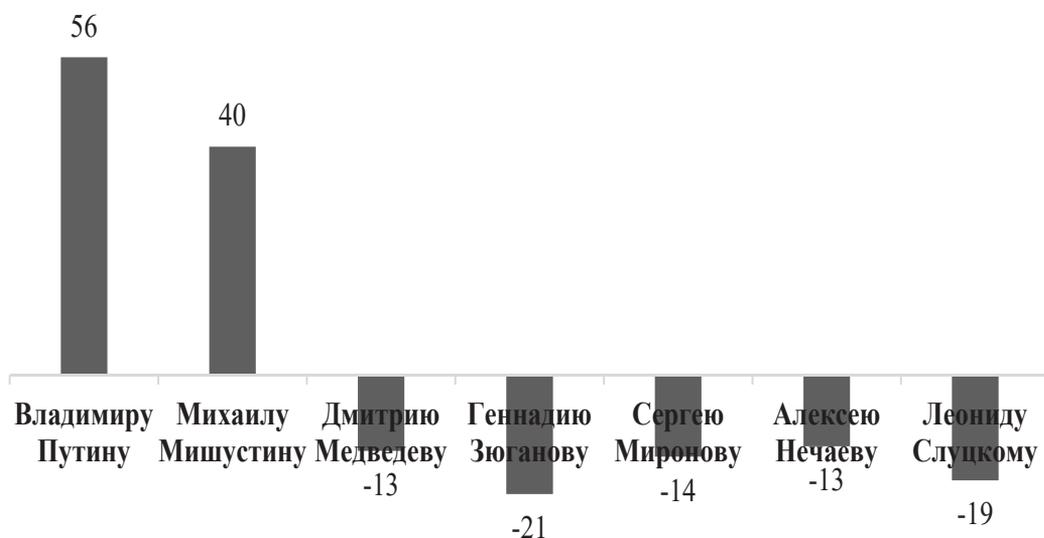

Рис. 4. Индекс доверия политикам (ВЦИОМ, июль-август 2024)

Очевидно, что при таком уровне доверия российские политические партии не могут выступать субъектами общественного договора и представлять интересы общества. Институализированные структуры гражданского общества имеют слабую поддержку со стороны граждан и вряд ли играют существенную роль в диалоге власти и общества.

Общественные организации как отражение общества

«Политологические» причины такого положения дел активно исследуются учеными [7; 8; 16; 19], однако недоверие и неучастие граждан в общественных организациях обусловлено и состоянием общества, которое в настоящий момент активно трансформируется, поэтому социальные институты, созданные в более ранний исторический период, перестают выполнять свои функции, превращаясь в симулякры — копии, не имеющие оригинала. Российские общественные организации были созданы в эпоху «длительности» социальных институтов, когда человек имел не только ограниченную территориальную мобильность, но и «пожизненно» состоял в социальных институтах: распространенными практиками были одна работа на всю жизнь, одно-два смена места жительства, один брак, или, говоря иначе, сильные социальные связи (комбинация продолжительности, эмоциональной интенсивности и реципрокных услуг) преобладали над слабыми [21. С. 1361].

В настоящий момент социальная ткань становится тоньше, связи слабеют, смена социальных институтов является нормой. Мы живем в ситуации, когда жизнь человека становится длиннее, чем жизнь организации. Эпоха всеобщей флексибельности постоянно меняет статус и роли человека, делает его более индивидуалистичным, а в перспективе ликвидирует сильные связи. Но если нет устойчивых социальных связей между людьми, то и общественные организации теряют предикат общественных, так как отсутствуют группы, интересы, которых они отстаивают. Следует уточнить, что группы как форма соединения людей, конечно, остаются (например, трудовой коллектив или жители многоквартирного дома), но, так как элементы этих групп меняются все быстрее, то общие интересы группы вырабатывать не успевают, идентичности как переживания общей судьбы не создаются, а сами группы начинают носить номинальный (формальный) характер. Таким образом, проблемы слабого участия общественных организаций в общественном договоре — следствие атомизации общества. Если нет общества в традиционном понимании — как системы или совокупности устойчивых связей и/или групп, то нет и организаций, сущностно отражающих интересы этих групп, — они присутствуют формально, как отголосок другой эпохи.

Для иллюстрации примера исчезновения устойчивых связей возьмем институт семьи — один из древнейших институтов, в котором преобладают сильные связи, и он выступает как «символ устойчивости», стабильности и надежности. Именно к помощи семьи обращаются в трудную минуту

россияне (рисунок 2), она является основной ценностью в нашем обществе. Однако в то же время большинство браков в России распадается, и эта тенденция растет (рисунок 5) (5). Растет и количество домохозяйств, состоящих из одного человека: за двадцать лет их число увеличилось практически вдвое: с 22,3 % в 2002 году до 41,8 % в 2021 [13. С. 8].

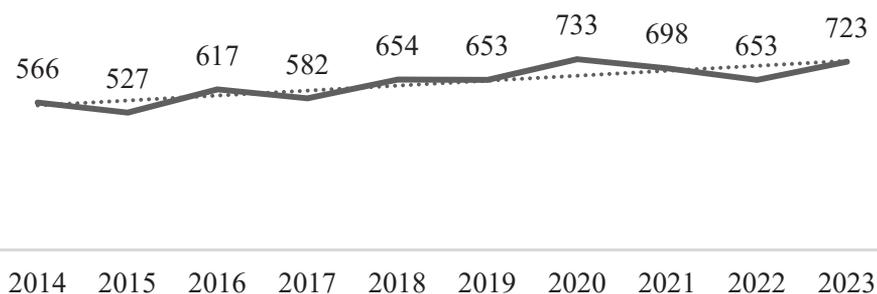

Рис. 5. Количество разводов на 1 тысячу браков

Более современные социальные институты показывают еще более сильные тенденции к взаимозаменяемости своих элементов. Здесь можно было бы поставить вопрос о «смерти социального» как тенденции современного общества и диагностировать конец общества и тупик социологии как науки, изучающей общество: «В вакууме социального перемещаются промежуточные объекты и кристаллические скопления, которые кружатся и сталкиваются друг с другом в рассудочном поле ясного и темного. Такова масса, соединенные пустотой индивидуальные частицы, обрывки социального и распространяемые средствами информации импульсы: непроницаемая туманность, возрастающая плотность которой поглощает все окрестные потоки энергии и световые пучки, чтобы рухнуть в конце концов под собственной тяжестью. Черная дыра, куда проваливается социальное» [2. С. 8]. Однако социальное не умирает, а перетекает в другие, более когерентные современному обществу формы, отмирают институты, не соответствующие новому типу социума, что не означает деградации последнего. Соответственно, и диалог между властью и обществом продолжается, но в новых формах.

Новые формы коммуникации власти и общества

Прежде всего диалог, коммуникация и организация групп происходит в сети Интернет, где люди объединяются по интересам, создают сообщества, обсуждают проблемы и пути их решения. Часть этих групп не долговечна, другие существуют длительное время, происходит постоянная циркуляция членов этих групп, что отвечает флексибельному и «текущему» состоянию

современного общества. Вторая форма, соответствующая набирающей силе атомизации, — индивидуальные и прямые обращения граждан к властям, минуя посредников в виде общественных организаций (рисунок 6) (6).

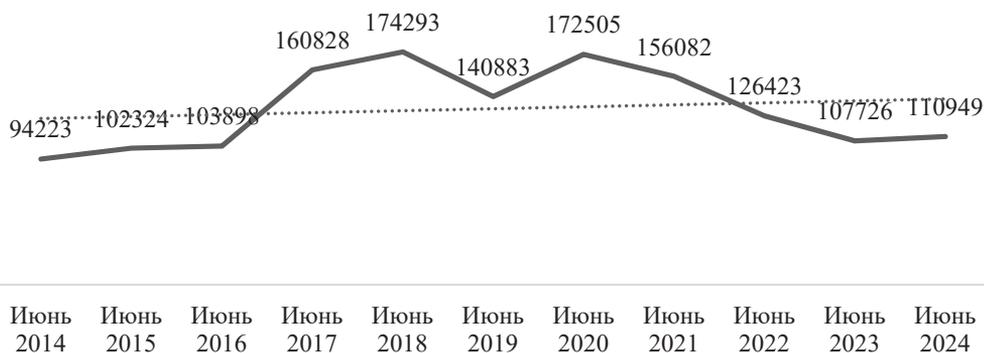

Рис. 6. Обращения граждан, организаций и общественных объединений к Президенту Российской Федерации

Так, только обращений к Президенту поступает свыше 3700 в день, а помимо этого у каждого министерства, губернатора, мэра и государственной организации есть свои приемные, и, если все это принимать во внимание, то можно наблюдать не «пассивность» и «отчужденность» граждан, а активное взаимодействие государства и общества, которые пребывают в постоянном диалоге в выработке нового общественного договора. Эти формы коммуникации общества и власти пока слабо учитываются исследователями, но они более эффективны, чем классические общественные организации представительского типа и более оптимально соответствуют складывающейся реальности.

Государство и общество находятся в постоянном взаимодействии, его результат — складывающийся общественный договор, консенсусный относительно прав и обязанностей как общества, так и государства. Когда устаревает или нарушается общественный договор, страна вступает в период нестабильности — до выработки нового договора или исчезновения страны. В Новое время основными посредниками в выработке общественного договора выступали политические партии как часть общественных организаций, что соответствовало актуальному на тот момент типу общественного устройства. Однако общество не является застывшей системой, оно меняется, приобретает новые формы, что ведет к изменению коммуникаций между ним и государством. Общественные организации, созданные в других обстоятельствах, перестают выполнять свои функции в новых условиях, их место занимают новые типы коммуникаций. Концепции общественного договора, созданные для объяснения актуальных в прошлую эпоху явлений, констатируют исчезновение подобных явлений в настоящее время, но в силу своей ограниченности обретают негативные коннотации относительно наблюдае-

мого объекта («смерть социального», политический абсентеизм, пассивность и т.п.). Коммуникации между обществом и государством в создании нового общественного договора сегодня продолжают, но происходят в иных формах, минуя общественные организации. Основными каналами взаимодействия выступают социальные сети, что соответствует процессу флексибилизации общества, и прямые обращения к государственным структурам, что соответствует процессу атомизации социума. Такое положение дел свидетельствует не о «неправильном» обществе, а об устаревании подходов к его анализу и стимулирует выработку концепций, релевантно отражающих складывающуюся социальную реальность.

Информация о финансировании

Статья выполнена при поддержке РНФ. Проект № 23-18-00093.

Примечания

- (1) Всероссийский опрос трудоспособного населения методом личного интервью в мае-июне 2022 года (N = 1200) по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте старше 18 лет в соответствии с данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов, административные центры районов, поселки городского типа, села (с соблюдением пропорций). Всего было отобрано 89 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов, 30 районных центров, 23 села, 15 поселков городского типа. Расчет параметров квот для поиска и отбора респондентов: 1) по федеральным округам; 2) по типам пяти поселений; 3) по социально-профессиональному составу (14 групп).
- (2) Индекс доверия: $I = (a+0,5b-c) / (a+b+c+d)$; доверяют полностью = 1, не доверяют = -1.
- (3) Индекс одобрения общественных институтов. Июль 2024 // URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov>.
- (4) Индекс доверия политикам. Июль-август 2024 // URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam>.
- (5) Росстат. по: Естественное движение населения Российской Федерации. Сборники Росстата за 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 годы // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269>.
- (6) Информационно-статистические обзоры обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации // URL: <http://www.letters.kremlin.ru/digests/periodic/quarterly>.

Библиографический список

1. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 тт. Т. 1: Социология. М., 2016.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 тт. Т. 4: Господство. М., 2019.
5. Гоббс Т. Сочинения: в 2 тт. Т. 2. М., 1991.
6. Гольбах П.А. Основы всеобщей морали, или Катехизис природы // Избранные произведения: в 2 тт. Т. 2. М., 1963.

7. Гореликов Е.С. Особенности онтогенеза гражданского общества в России // *Власть*. 2024. Т. 32. № 2.
8. Ильичева Л.Е., Паршина Е.В. Государство и гражданское общество как субъекты политики социального партнерства // *Власть*. 2024. Т. 32. № 2.
9. Локк Дж. Два трактата о правлении // *Сочинения*: в 3 тт. Т. 3. М., 1988.
10. Монтескье Ш. Избранные произведения: в 2 тт. М., 1955.
11. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.
12. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.
13. Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения // *Демографическое обозрение*. 2023. № 10.
14. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
15. Российский статистический ежегодник. М., 2023.
16. Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. Патерналистское государство и гражданское общество // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 5.
17. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М., 2000.
18. Тощенко Ж.Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // *Социологические исследования*. 2023. № 6.
19. Тощенко Ж.Т. Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2023. № 3.
20. Штомпка П. Доверие — основа общества. М., 2012.
21. Buchanan J., Tulloch G. *The Calculus of Consent, the Logical Foundations of Constitutional Democracy*. University of Michigan Press, 1962.
22. Granovetter M.S. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. No. 6.
23. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Basil Blackwell, 1988.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20

EDN: GOMUJD

Old and new forms of communication between the state and society on the way to a new social contract*

R.I. Anisimov

Russian State Humanitarian University,
Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia

(e-mail: ranisimov@list.ru)

Abstract. The article considers the concept of social contract as a consensus between the state and the people. Based on the works of T. Hobbes, D. Locke, J.-J. Rousseau, C. Montesquieu, German social thought, in the context of reflections on the “legitimacy” of R. Nozick, J. Rawls, M. Olson, A. Auzan, the author argues that social contract is consensual

* © R.I. Anisimov, 2025

The article was submitted on 06.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

in nature and communication between the government and the people is necessary to develop such a consensus, focusing on public organizations and political parties as traditional conductors of the interests of the people in interactions with the state. Based on sociological studies, the author makes a conclusion about Russians' low trust in political parties and non-participation in public organizations, which indicates that public organizations and political parties poorly represent the interests of citizens in interactions with the government. This situation is determined by the change in the type of society: the Russian society turns into more flexible and atomized, strong ties are replaced by weak ones (even the family as the most traditional institution goes through flexibilization and atomization). In these conditions, public organizations and political parties created in the previous period cease to be adequate intermediaries in the interaction between the authorities and the people, and new communication channels develop — Internet communities and direct appeals of citizens to government bodies. The Russian society actively interacts with the authorities in these forms but weakly in classical ones, which refutes the idea of the people as a passive subject, the spread of political absenteeism, the underdevelopment of civil society and public organizations as an expression of public interests and indicates the need to develop concepts that correspond to a new type of society.

Key words: social contract; public organizations; political parties; strong ties; weak ties; flexibility; atomization

For citation: Anisimov R.I. Old and new forms of communication between the state and society on the way to a new social contract. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-7-20>

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 23-18-00093.

References

1. Auzan A.A. Obshchestvenny dogovor i grazhdanskoe obshchestvo [Social contract and civil society]. *Mir Rossii*. 2005; 3. (In Russ.).
2. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bo'shinstva ili konets sotsialnogo* [In the Shadow of the Silent Majorities, or the End of the Social]. Ekaterinburg; 2000. (In Russ.).
3. Weber M. *Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sotsiologii: v 4 tt. T. 1. Sotsiologiya* [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology: in 4 vols. Vol. 1. : Sociology]. Moscow; 2016. (In Russ.).
4. Weber M. *Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sotsiologii: v 4 tt. T. 4: Gospodstvo* [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology: in 4 vols. Vol. 4. : Domination]. Moscow; 2019. (In Russ.).
5. Hobbes T. *Sochineniya* [Work: in 2 vols. Vol. 2.]. Moscow; 1991. (In Russ.).
6. Holbach P.A. *Osnovy vseobshchej morali, ili Katekhizis prirody* [Elements of Universal Morality, or Universal Catechism]. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 tt. T. 2*. Moscow; 1963. (In Russ.).
7. Gorelikov E.S. Osobennosti ontogeneza grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Features of the civil society ontogenesis in Russia]. *Vlast*. 2024; 32 (2). (In Russ.).
8. Ilyicheva L.E., Parshina E.V. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo kak sub`ekty politiki sotsialnogo partnerstva [State and civil society as subjects of the social partnership policy]. *Vlast*. 2024; 32 (2). (In Russ.).
9. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government]. *Sochineniya: v 3 tt. T. 3*. Moscow; 1988. (In Russ.).
10. Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works: in 2 vols. Moscow; 1955. (In Russ.).
11. Nozick R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia]. Moscow; 2008. (In Russ.).

12. Olson M. *Vlast i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow; 2012. (In Russ.).
13. Prokof'yeva L.M., Korchagina I.I. Demograficheskaya struktura semey i domokhozyaystv v Rossii, ee dinamika po dannym perepisey naseleniya [The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2023; 10. (In Russ.).
14. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk; 1995. (In Russ.).
15. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow; 2023. (In Russ.).
16. Rubinshteyn A.Ya., Grinberg R.S., Gorodetsky A.E. Paternalistskoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo [Paternalistic state and civil society]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. 2022; 5. (In Russ.).
17. Rousseau J.J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [The Social Contract]. Moscow; 2000. (In Russ.).
18. Toshchenko Zh.T. Obshchestvenny dogovor kak noumen: opyt sotsiologicheskogo osmysleniya [Social contract as a noumenon: A sociological understanding]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 6. (In Russ.).
19. Toshchenko Zh.T. Obshchestvenny dogovor v rossiyskom ispolnenii: realnost i uroki [Russian social contract: Reality and lessons]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2023; 3. (In Russ.).
20. Sztompka P. *Doverie — osnova obshchestva* [Trust: A Sociological Theory]. Moscow; 2012. (In Russ.).
21. Buchanan J., Tulloch G. *The Calculus of Consent, the Logical Foundations of Constitutional Democracy*. University of Michigan Press; 1962.
22. Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. 1973; 78 (6).
23. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: Problems and alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Basil Blackwell; 1988.